

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВРЕМЯ ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА НЕРОНА

MILITARY AND POLITICAL STRATEGY ON THE NORTHEAST BORDERS OF THE ROMAN EMPIRE DURING THE REIGN OF EMPEROR NERO

*S. Yartsev
A. Butovskiy*

Annotation

The article deals with a complex matter of military and political strategy on the north-eastern borders of the Roman Empire during the reign of Nero. According to the authors, King Pharzoy's humiliating concessions to the barbarians in the Northern Black Sea Region during this period were justified in the eyes of the public by the necessity of confrontation against the northern tribes – Przeworsk culture carriers and the restoration of the Vistula Amber Road functioning. With this objective in view, through the hands of their new allies, the Romans blocked Przeworsk culture carriers' access to the amber shore at the mouth of the Vistula as well as to the south-east towards the Black Sea coast. The expansion along the amber road to the Danube limes was also complicated for the barbarians because of the established friendly relations with the empire of the Vannius's nephews, who divided his kingdom among themselves.

On the one hand, by transferring attention to the external threat and conducting complex operations abroad, Nero's entourage tried to eliminate the negative impact of the emperor's foreign policy failures on domestic political life in the state. Though, on the other hand, the difficult situation that prevailed in the north-eastern near and far borders of the empire by the time of the emperor's reign connected with the formation of two powerful barbarian alliances – the union of the Lugii tribes and the 'kingdom' of Pharzoy, actually required urgent preventive measures. In accordance with their favourite tactics, the Romans once again directed their efforts to divide their obvious and potential enemies.

However, in Europe such actions objectively contributed to the intensification of the barbarians' migration processes from Scandinavia that, sooner or later, should have set in motion the tribes living on the mainland. Moreover, the conquest wars of the northern squads sanctioned by the Romans turned into a decisive factor of Goths ethnogenesis. As far as its formation, the new people increasingly broke away not only from its Scandinavian roots but also from the direction of the Roman policy, gradually turning into a major driving force of the initial phase of the Great Migration – a process that would eventually destroy the ancient world.

Keywords: The Roman Empire, Emperor Nero, kingdom of Pharzoy, the Vistula Amber Road, Przeworsk culture, Wielbark culture, Goths, Vandals, Lugii, Bastarnae.

*Ярцев Сергей Владимирович
Д.и.н.,*

*ТГПУ им. Л.Н. Толстого, г. Тула
Бутовский Александр Юрьевич*

*К.п.н., доцент,
ТГПУ им. Л.Н. Толстого, г. Тула*

Аннотация

В статье рассматривается сложная тема военно-политической стратегии на северо-восточных рубежах Римской империи во время правления Нерона. По мнению авторов, унижительные уступки варварам царя Фарзоя в Северном Причерноморье в данный период, оправдывались в глазах общественности необходимостью противостояния с северными племенами – носителями пшеворской культуры с целью восстановления Вислинского янтарного пути. Для этого римляне руками своих новых союзников перекрыли носителям пшеворской культуры доступ к янтарному берегу в устье Вислы, а также путь на юго-восток в сторону черноморского побережья. Продвижение по янтарной дороге к дунайскому лимесу, также было для варваров осложнено, из-за установившихся дружественных отношений с империей племянников Ванныя, поделивших между собой его бывшее царство.

С одной стороны, с помощью перевода внимания на внешнюю угрозу и проведения сложных операций за рубежом, окружение Нерона пыталось устранить негативное воздействие внешнеполитических неудач императора на внутриполитическую жизнь в государстве. Однако с другой стороны, сложная ситуация, сложившаяся на северо-восточных ближних и дальних рубежах империи ко времени правления этого императора, связанная с образованием двух мощных варварских объединений – союза племен лугиев и "царства" Фарзоя, действительно, требовала принятия срочных превентивных мер. В соответствии с излюбленной тактикой, римляне вновь направили усилия на разделение своих явных и потенциальных врагов.

Однако в Европе такие действия объективно способствовали усилению процессов миграции варваров из Скандинавии, что, рано или поздно, должно было привести в движение племена, проживавшие на материке. Более того, санкционированные римлянами захватнические войны северных дружин, превратились в решающий фактор этногенеза готов. По мере же своего формирования, новый народ все более отрывался, не только от своих скандинавских корней, но и от фарватера римской политики, постепенно превращаясь в главную движущую силу начального этапа Великого переселения народов – процесса, который в конечном итоге, уничтожит античный мир.

Ключевые слова:

Римская империя, Император Нерон, царство Фарзоя, Вислинский янтарный путь, пшеворская культура, вельбаркская культура, готы, вандалы, лугии, бастарны.

Тема военно-политической стратегии Римской империи всегда вызывала интерес среди ученых. В первую очередь, это касалось сложных периодов в истории государства, к которым, несомненно, относится и время правления императора Нерона. Некоторые вопросы внешней политики, особенно на восточных рубежах империи, не находят однозначного решения до сих пор. Мирный договор с Парфией и замирение варваров царя Фарзоя, чрезвычайно трудно связать с большой стратегией, неизменно направленной на покорение всего известного римлянам мира. Масштабная же подготовка Нерона к походу на восток, вообще не согласуется с установлением мира с Парфией и с варварами Северного Причерноморья.

Тем не менее, если заключение мирного договора, вместо военного разгрома противника, с успехом оправдывалось другими военными и дипломатическими успехами (например, визитом Тиридата в Рим или подготовкой похода против, какого-то нового врага) [18, с. 181–183], то подобный прием мог быть применен и в другом месте. Наиболее сложная ситуация сложилась к этому времени в Северном Причерноморье, где император продолжал политику санкционирования чекана золотых монет союзного царя Фарзоя [30, с. 111–112], несмотря на нарастающий финансовый кризис в империи, жестокие поборы и ограбления храмов, у которых отбирали все, в том числе и золото [Тас. Анн., XV, 45]. Такие особые отношения с кочевниками, безусловно, нуждались в достаточно крепких доводах, оправдывающих императора в глазах общественности за унижительные уступки варварам.

Возможно, что на характер отношений римлян с царем Фарзоем, оказало влияние движение племен к северу от дунайского лимеса. Дело в том, что незадолго до появления с востока воинства указанного правителя, здесь резко обострилась военно-политическая ситуация, связанная с передвижением к границам империи носителей пшеворской археологической культуры. С данной общностью обычно отождествляют союз племен во главе с варварами, известными, как считают под двумя разными наименованиями – лугиев или вандалов (Plin. HN., IV, 99) [25, с. 248]. Это не вызывает удивления, так как, судя по многочисленным племенам входивших в союз лугиев – "гари, гельвеконы, мнимы, гелизии, наганарвалы" [Тас. Герм., 43], данное население, действительно отличалось выраженной полиэтничной структурой. Об этом также свидетельствует и археологический материал. Именно опираясь на его разноплановый характер, В.В. Седов [20, с. 63–74; 21, с. 115–122] и И.П. Русанова [19, с. 135], связали некоторые локальные группы пшеворской культуры со славянским культурным элементом.

В 50 г. н.э. указанные варвары двинулись войной на созданное римлянами на левом берегу Дуная союзное

буферное государство, вождь которого Ванний хорошо наживался на пошлинах от торговли янтарем. Возглавили же войну против этого римского ставленника царь гермундуров Вибиллий и ближайшие родственники Ванния, сыновья его сестры Вангион и Сидон. Военные действия привели к тому, что фактически на границы империи надвинулась "несметная сила – лугии", которые вместе с другими народностями были привлечены "слухами о богатстве царской казны, которую за тридцать лет накопил Ванний грабежами и пошлинами". В конечном итоге, несмотря на то, что "пехота у Ванния была собственная", а "конница – из сарматского племени язигов", он потерпел поражение и был принят римлянами (Тас. Анн., XII, 29–30).

Для понимания сложной и неоднозначной ситуации в Барбарикум эта война крайне важна, так как, очевидно, что в ее основе лежала борьба между представителями варварской знати за расширение своей доли в торговых операциях с римлянами солнечным камнем. Янтарь, действительно доставлялся с берегов Балтийского моря в Римскую империю через данную территорию. Поэтому взятие под контроль или даже блокирование ругами, лугиями или языгами этого важнейшего пути [26, с. 198], могло превратиться в эффективное средство давления на римлян. Не исключено, что по последним в подобных ситуациях, приходилось даже организовывать морскую поставку янтаря в империю, минуя пшеворский ареал [50, с. 149]. Не будем также забывать, что в это время непосредственно на побережье Северного моря в низовьях Вислы происходили сложные процессы, связанные с миграцией на территорию оксывской культуры (родственной пшеворской), выходцев из Скандинавии [27, с. 38, 57], что также могло стать одной из причин перебоев с поставкой янтаря.

То, что янтарный путь превратился в большую проблему именно после разгрома царства Ванния, уже во время правления Нерона (54–68 гг.), свидетельствует факт отправки за солнечным камнем к берегам Балтики, именно этим императором, римского военного отряда, состоящего из воинов XV легиона из Карнунта, во главе с всадником Квинтом Атилием Примом, причем буквально накануне интересующих нас событий (до 62 г.) [25, с. 225] (Plin. NH., XXXVII, 42–45). Дорога из Карнунта (около 900 км) [39, с. 13–59, 61–62, 76–78; 32, р. 221] до Нижней Вислы была длительной, она проходила по территории многих племен и заняла два месяца [12, с. 170]. Это подтверждается находками римского вооружения I в. н.э. на Янтарном берегу [13, с. 88–89]. Целью похода являлся янтарь, из которого изготавливались дорожные предметы роскоши и даже сетка, ограждающая императора в амфитеатре от возможных случайных опасностей. Экспедиция завершилась успешно, о чем свидетельствует Плиний упомянувший доставленный римлянами 13-фунто-

вый (4,257 кг) кусок янтаря (Plin. NH., XXXVII, 45), и который, по словам Солина, передал Нерону в дар некий "царь Германии" (Rex Germania) [37, с. 98].

Конечно, сейчас трудно делать выводы об истинных целях миссии Прима в Германию. Однако, несмотря на то, что точных сведений на этот счет у нас нет, вряд ли римский всадник занимался на варварской территории исключительно поиском янтаря для очередных гладиаторских игр. Не можем мы также уверенно связать экспедицию Прима с оживлением Вислинского янтарного пути, которое, как считают, наступило во второй половине I в. н.э. [14, с. 64–65] Ведь для безопасного функционирования янтарной дороги надо было полностью замирить враждебные племена пшеворской культуры, про что наш источник ничего не сообщает. Правда, с одной стороны, обращает на себя внимание, что загруженный солнечным камнем посланник Нерона, беспрепятственно возвратился в империю. Это явно должно было означать взаимную заинтересованность в функционировании янтарного пути для всех сторон [16, с. 183]. Однако с другой стороны, мы не знаем, какую на самом деле запросили цену германцы за обеспечение непрерывных поставок янтаря до дунайского Карнунтума, откуда его транспортировкой занимались уже адриатические веныты (Plin. NH., XXXVII, 43). Не знаем мы и того, удалось ли Приму окончательно договориться со всеми племенами, от которых зависело бесперебойное функционирование янтарного пути. Очевидно, что варвары прекрасно понимали, что кроме торговых ограничений, у римлян не существовало никакого реального механизма давления на них. После разгрома 9 г. н.э. в Тевтобургском лесу, римляне не пошли бы на новое крупномасштабное вторжение в глубинные районы Германии с большим отрывом от своих тылов. При этом вряд ли северные варвары, в случае выдвигания трудно выполнимых условий за доставку янтаря, догадывались, что империя была в состоянии организовать давление на них с помощью союзных племен. Более того, появившийся фактор внешней угрозы, императору был выгоден, так как он вполне мог использовать его для решения проблем внешней и внутренней политики, в том числе, для оправдания вынужденных уступок варварам Северного Причерноморья.

В этой связи обратим внимание на ряд довольно странных фактов, которые до сих пор не находят своего логического объяснения. Так, царь Фарзой, сразу же после установления своего господства в регионе и заключения мирного соглашения с Римом, зачем-то перекрыл пшеворцам путь в сторону Черного моря. Это выглядит необычно, так как миграция носителей пшеворской культуры в данном направлении проходила, по крайней мере, еще начиная с I в. до н.э. [21, с. 99] В ходе ее на Волыни и Верхнем Поднестровье в момент появления здесь пришельцев с востока, уже функционировали характерные для пшеворской культуры поселения и могильники с ору-

жием. По особенностям погребального обряда могильники Поднестровья и Западной Волыни ближе всего соответствовали памятникам Юго-Восточной Польши [11, с. 144–148], откуда видимо и проходила миграция на юго-восток. Однако, начиная приблизительно с середины I в. н.э., в этот процесс были внесены существенные коррективы. Почему-то именно на указанную территорию пограничья лесной и лесостепной зон междуречья Южного Буга и Днестра, было произведено не совсем понятное, массовое переселение людей из районов Среднего Поднепровья. Известно, что незадолго до этого, данные носители зарубинецкой культуры в местах своего постоянного проживания, были полностью разгромлены сарматами [25, с. 196–197]. По этой причине их считают насильственно депортированными [4, с. 25]. В любом случае, очевидно, что на новом месте, такое переселение добавило зарубинецкие взаимосвязи к контактам пшеворского населения с представителями липецкой культуры [27, с. 67]. В итоге на территории Западной Волыни и Поднестровья стали появляться своеобразные памятники типа Рахны-Почеп [24, с. 26–38], зубрецкой группы на Волыни [25, с. 236; 27, с. 69], звенигородской группы в Верхнем Поднестровье [27, с. 69].

Можно согласиться с С.В. Воронятовым, что расселение подневольных мигрантов в междуречье Южного Побужья и Среднего Днестра, развитие ими на новом месте металлургического производства, было выгоднономадам, так как на долгие годы превращало указанные районы в экономическую базу кочевников [5, с. 78–79]. Однако данная гипотеза не объясняет, почему именно здесь, выходцы с востока, используя курганы эпохи бронзы, разместили свое родовое кладбище, на котором, судя по тамгам, стали хоронить даже царей [22, с. 66]. Предполагается, что оторванность от Нижнего Дона (где традиционно погребали сарматских вождей) [29, с. 172], нового "сарматского Герроса" клана Фарзоя и Инисмея, свидетельствует о поиске кочевниками укромного места с целью защиты захоронений от разграблений [4, с. 26]. Однако очевидно, что совершаемые здесь, столь значимые для царского рода погребения, в первую очередь, являлись своеобразным маркером данной территории. Именно местоположением своего родового некрополя, воинственные кочевники, утверждали свое право на владение данной землей, одновременно обеспечивая ее скральной защитой исходившей от умерших и погребенных здесь предков. Следовательно, вместе с расселением подневольного населения, это в первую очередь, было необходимо для предотвращения бесконтрольного прохода мигрирующих групп с севера по направлению к античным центрам Северного Причерноморья и дунайским границам империи.

Тем не менее, в междуречье Южного Буга и Днестра, судя по археологическим данным, продолжалось активное и мирное взаимодействие различных этнических

групп. Ситуация здесь явно отличалась от других районов, в первую очередь, от того же Поднепровья, где сарматами была полностью разгромлена зарубинецкая культура оседлого населения. На Волыни же, и в Верхнем Поднестровье, несмотря на то, что выявленные факты племенных контактов с кочевниками, обычно касаются оружия, скорее всего, были установлены союзнические отношения между северными переселенцами и сарматами. Так, в одном из захоронений (кремации в сосуде пшеворского типа на могильнике Звенигород–Гоева гора), был обнаружен сарматский меч с кольцевым навершием, который был согнут (ритуально убит), в точном соответствии с пшеворским погребальным обрядом [10, с. 87]. В Нижнедонских сарматских курганах Садовый и Высочино середины второй половины I в. н.э., наоборот, наряду с традиционными вещами, в том числе и бирюзово–золотого стиля, обнаружены германские щиты (типа Цилинг I–1) первой половины I в. н.э., типичные, в первую очередь, для пшеворской культуры. При этом в одном случае умбон был, видимо, очень дорог для владельца, так как он был укрыт в тайнике вместе с серебряными сосудами [27, с. 72]. М.Б. Щукин склоняется к тому, что в последнем случае, перед нами "дипломатические подарки", попавшие к сарматам в результате ритуального обмена оружием между варварскими предводителями [29, с. 172].

Более того, на ряде копий была выявлена целая энциклопедия инкрустированных серебром сарматских знаков [53, р. 133–154], в том числе и тамга Фарзоя. При этом тамги варварского царя фигурируют на копьях, обнаруженных на достаточно большом расстоянии от Северного Причерноморья и только на памятниках пшеворской культуры. В первом случае это копье из Вале в Норвегии, тип которого часто встречается в пшеворских древностях. Оружие датируется периодом В 2 (70–150/180 гг.). Второе копье более позднее (220–230 гг.), оно происходит из пшеворского могильника Бодзаново на территории Польши [29, с. 172–173]. Так как другие из подобных знаков, не находят аналогов среди сарматских тамг, очевидно, что северные варвары восприняли лишь саму идею тамги, которая получила у них дальнейшее развитие [17, с. 94; 34, с. 109; 27, с. 72–73]. С этим хорошо соотносится и то, что большинство указанных копий датируются второй половиной II – первыми тремя десятилетиями III в. н.э. [38, с. 61–63], когда "царства" Фарзоя и Инисмья уже не существовало.

Ученые по-разному интерпретируют данные артефакты. Обычно их считают магическими символами [36, с. 111; 40, с. 148–149; 31, с. 147; 46, с. 57], хотя Э. Дроберьяр и Я. Пешка в некоторых знаках видят буквы старшериического алфавита [36, с. 111]. М.Б. Щукин, наоборот, пишет о том, что громкая слава о Фарзое была широко распространена в военно–аристократической среде и дружеские контакты на уровне воинов–дружинников приводили к заимствованию тамги этого удачли-

вого царя, а наемники с севера могли даже служить его телохранителями [27, с. 72]. Г. Добжаньская говорит о готском нашествии, перед лицом которого кочевники, обитавшие в бассейнах Прута и Днестра, объединились с носителями пшеворской культуры, что и привело к размещению сарматских знаков на германских копьях [34, с. 111–112]. По мнению же С. В. Воронятова и Д. А. Мачинского, тамги на копьях могли являться трофейными знаками и таким образом, как воплощение силы и удачи, переходить на службу к победителям [6, с. 69–73]. Последняя версия отчасти подтверждается ценным наблюдением М.Б. Щукина, отметившим, что копья с магическими знаками, имитирующими сарматские (большая их часть найдена в Скандинавии и Польше на территории пшеворской культуры), полностью выходят из моды именно в III в. н.э., когда удача оставляет сарматов и они уступают гегемонию в Северном Причерноморье готам [29, с. 174].

Здесь необходимо отметить еще одно важное заключение ученого, касающегося Верхнего Поднестровья. Так, наличие в звенигородской группе памятников римских вещей импортированных из провинций, позволило М.Б. Щукину предположить, что данное население, представленное носителями распавшейся зарубинецкой культуры, имело контакты с римлянами и возможно являлось теми самыми бастарнами, вождям которых Плавтий Сильван вернул сыновей, захваченных врагами (CIL, XIV, 3608) [27, с. 68]. Другими словами депортация покоренных и замиренных бастарнов с берегов Днестра в районы междуречья Южного Буга и Днестра, могла происходить с санкции римлян, обеспокоенных возможным проникновением воинских отрядов северных народов к причерноморским античным центрам и дунайским границам империи. Исходя из того, что речь идет о территории подконтрольной кочевникам Фарзоя, переселение зависимого населения и размещение здесь родового кладбища, скорее всего, стало результатом взятых на себя обязательств новыми римскими союзниками, не пропускать через свои земли отдаленные племена [12, с. 99].

Если это так, то ситуация сложившаяся в Верхнем Поднестровье в 60–х гг. I в. н.э. могла являться частью большого римского стратегического плана по приведению к покорности племен носителей пшеворской и возможно оксывской культур. Во всяком случае, некоторые трудно объяснимые свидетельства, касающиеся событий I в. н.э., находят рациональное объяснение, только с позиции антипшеворской направленности внешней политики империи. В первую очередь, речь идет о находках шести массивных золотых гривен римского времени, которые странным способом распределились между Северной Европой (Дания, Западная Швеция и остров Готланд) и Причерноморьем. Необычная география изделий явно свидетельствует об установлении, скорее всего в I в. н.э., неких связей Причерноморья с Северной Европой.

Если допустить датировку гивен первым веком нашей эры, то есть временем возникновения царства Фарзоя и активного передвижения племен северных варваров, то вряд ли, в этом случае, можно будет говорить о случайно возникших и спонтанных племенных контактах. Союзные отношения варваров отстоящих друг от друга на многие сотни километров, да еще и на уровне вождей и царей [27, с. 74–79; 30, с. 130–132], без посредничества империи, заинтересованной в контроле над ситуацией к северу от своих границ, представить трудно, если вообще возможно. Скорее всего, установление таких отношений являлось важным звеном организованного римлянами давления на враждебные племена, занимавшие земли вдоль янтарного пути. Если это так, то варвары Скандинавии, так же должны были участвовать в натиске на враждебные римлянам племена.

Заметим, что в первом веке нашей эры в северных районах Европы проживало большое количество племен, из которых особо выделялись воинственные гуты, гуты, свионы. Основная их масса располагалась непосредственно в Скандинавии, но некоторые, как например, островные гутыны (Strabo, VII, 1,3; Plin. NH., IV, 99; Ptolem., II, 11, 16), к этому времени уже частично переселились на материк (Ptolem., III, 5, 8). Сейчас с ними отождествляется, схожая с вельбаркской культурой, густовская группа памятников расположенная в низовьях Одера и на примыкающем к западу побережье. Судя по материалу указанные памятники, появились на материке около рубежа эр [27, с. 43–48].

По словам Тацита, в отличие от других германцев, у которых если и были могущественные цари, то только благодаря "поддержке из Рима" (Tас. Germ., 42), у "готов" же правила "цари ... уже несколько жестче, чем у других народов Германии" (Tас. Germ., 44). Соседним свионам, также было "свойственно почитание власти, и поэтому ими единолично, и не на основании временного и условного права господствовать, без всяких ограничений повелевает царь" (Tас. Germ., 44). У собственно готов, несмотря на то, что они в указанное время только выходили на историческую арену, так же, судя по всему, была сформирована сильная верховная власть.

Процесс формирования вельбаркской культуры, с которой связывают данный народ, происходил на территории низовьев Вислы в течение примерно 10–70 гг. I в. н.э. В основном он заключался в смешении переселенцев с территории Скандинавии с представителями автохтонных племен и распространении культурных инноваций [27, с. 38, 57]. Однако в этой ползучей миграции выделяется один эпизод, который достаточно определенно свидетельствует об организации варварами, живущими в Скандинавии, военного нашествия на прибрежные районы материковой Европы. Возможно недостаточное внимание, которое уделяется данному собы-

тию, объясняется тем, что его источник носит легендарный характер и сохранился лишь в записи автора VI в. н.э. Иордана. Эта особенность, действительно сильно уменьшает историческую ценность фольклорного рассказа. Однако некоторые ученые, излишне категорично относят данное предание к эпическому пространству [1, с. 117], к выдумке [42, р. 120–121], или к легенде, потерявшей связь с действительностью [33, р. 111–112; 41, р. 54–56].

Несмотря на легендарный источник уникальных сведений, невозможно не учитывать главную особенность народной памяти, способной, как минимум, сохранять отдельные и несложные события [48, р. 224; 49, р. 27]. При этом если такие эпизоды находят подтверждение другими источниками, и в первую очередь, материалами археологии, то игнорирование их не представляется возможным. Именно, опираясь на такой подход, многие ученые не сомневаются в наличии исторического зерна в "переселенческой саге" [2, с. 91–98; 3, с. 61–70; 25, с. 244–249; 27, с. 25–57; 15, с. 134; 8, с. 50–56; 23, с. 118–155]. Легенда рассказывает о том, что с "острова Скандзы, как бы из мастерской ... или, вернее, как бы из утробы ... по преданию вышли некогда готы с королем своим по имени Бериг. Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание это-му месту. Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов, которые сидели тогда по берегам океана; там они расположились лагерем, и, сразившись, вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседней вандалов, присоединив и их к своим победам" (Iord. Get., 25–26). "Если же ты спросишь, каким образом готы и гепиды являются родичами ... ты должен помнить, что вначале я рассказал, как готы вышли из недр Скандзы со своим королем Берихом, вытащив всего только три корабля на берег по эту сторону океана, т.е. в Готискандзу. Из всех этих трех кораблей один, как бывает, пристал позднее других и, говорят, дал имя всему племени, потому, что на их языке "ленивый" говорится "gerpanta". Отсюда и получилось, что ... искажаясь, родилось из хулы имя гепидов. Без сомнения, они родом из готов и оттуда ведут свое происхождение" (Iord. Get., 94–95).

По расчетам М.Б.Щукина, обратившим внимание на пять поколений готов проживших в Готискандзе, корабль Берига должны были появиться у южных берегов Балтики, приблизительно в середине или в конце I в. н.э. [28, с. 17], а наиболее вероятней, в период 50–70 гг. н.э. [27, с. 26] То, что это было незаурядное событие, свидетельствует тот факт, что из всех эпизодов длительного процесса миграции с территории Скандинавии, почему-то, только переселение Берига, смогло отчетливо сохраниться в народной памяти. Скорее всего, это произошло по причине резкого отличия данной экспедиции от обычных переселенческих мероприятий. Собственно и рас-

сказ Иордана повествует не столько о переселении, сколько о хорошо организованной военной операции против северных варваров.

Косвенно это подтверждает этническая неоднородность войска Берига, которая отчетливо фиксируется в записанном Иорданом тексте. Именно эта особенность была использована автором, с целью объяснения взаимоотношений готов с другими племенами.

Бериг, стоявший во главе данного войска, конечно, не мог принадлежать к хорошо известным позднее готским родам, так как собственно этническая общность готов, еще находилась на стадии формирования. Судя по контексту легенды, этот вождь, скорее всего, являлся обычным наемником из скандинавского племени гутон-готонов, возглавившим собранное из разных мест войско. Любопытно, но первые выходцы из данного племени к началу похода Берига, уже обжились на материке, причем не только в низовьях Одера (густовская группа) [27, с. 47], но и возможно в низовьях Вислы, где, начиная с первой половины I в. н.э. происходила медленная трансформация оксывской культуры, в собственно готскую – вельбаркскую. Правда, если исходить из текста Иордана, районы низовой Вислы, перед появлением Берига, были заселены не готонами, а ульмеругами (скорее всего, ругами и лемовиями, жившими "у самого Океана" (Тас. Germ., 44)). Поэтому первые изменения в оксывской культуре, могли начаться из-за миграции сюда не готонов, а других северных переселенцев – ругов, которые, скорее всего, изначально тоже являлись жителями Скандинавии (Iord. Get., 24) [25, с. 248].

Несмотря на легендарный характер сведений о походе Берига, он буквально в деталях подтверждается данными археологии. Так, на основе разработанных Р. Волонгевичем зон распространения вельбаркской культуры [51, с. 79–106], нам известно, что изначальная территория ее возникновения приходится на низовья Вислы и на прибрежную полосу между этой рекой и Одером (зоны А и В). Именно здесь в 10–70 гг. I в. н.э. могильники оксывской культуры стали трансформироваться в вельбаркские, что вполне соответствует рассказу Иордана о высадке людей Берига в Готискандзе (на побережье Коданского залива (Mela, III, 31, 54) – Гданьске, или на "Gutisk-andja" – готском берегу) [9, с. 194, прим. 63] и вытеснении ими с собственных поселений ульмеругов. Дальнейшее распространение окончательно сложившейся здесь вельбаркской культуры в сторону Кашубско-Крайненского поозерья, пустовавшего в оксывское время (зоны С), происходило уже после 70-х гг. I в. н.э. Особенность данного периода, проявляется в том, что из южных районов этой зоны, переселенцами были изгнаны племена пшеворской культуры, что также точно соответствует рассказу Иордана о присоединении вандалов к победам готов [27, с. 38].

Заметим, что археологические источники не только подтверждают легендарный рассказ Иордана, но и в значительной степени уточняют его. Так, если между войной готов с ульмеругами и войной с вандалами, действительно прошло некоторое время, как это следует из археологических данных, то это может означать, что первоначальной целью Берига, являлось завоевание варваров, живших исключительно на побережье в низовьях Вислы. Объективно такая воинственная политика позволила быстро расширить территорию для новых переселенцев из Скандинавии и наладить эффективное хозяйство на захваченных землях. Скорее всего, данное обстоятельство и стало решающим фактором в этногенезе готов, которые все более отрывались от своих скандинавских корней. Это объясняет, почему до сих пор в вельбаркской культуре, нет находок гривен типа Хавор [27, с. 85]. Видимо представители новой элиты, объединив вокруг себя формируемую этническую общность и создав выгодную для себя властную иерархию в управлении обществом, противопоставили себя старой скандинавской знати. Все это свидетельствует в пользу того, что союзные связи между варварской знатью Северной Европы и кочевниками Причерноморья, отражением которых стало появление в этих регионах массивных золотых гривен, были установлены еще до похода Берига. Следовательно, военная операция под руководством данного вождя против северных народов, могла являться прямым следствием указанных взаимоотношений. Более того, если события в Северном Причерноморье после установления отношений с Фарзоем, были непосредственно связаны с планами римлян, то возможно, что и поход Берига, во многом был вызван не природными факторами или кризисными явлениями внутри скандинавского общества, а стремлением империи организовать давление на племена, контролировавшие земли на янтарном пути.

Конечно, прямых сведений, подтверждающих наличие римского следа в организации похода Берига, у нас нет. Однако на такую вероятность, указывают некоторые странные обстоятельства переговоров Плавтия Сильвана с Фарзоем. Так, не совсем понятно, зачем Плавтию Сильвану, находившемуся в 63 г. с римским войском в Северном Причерноморье для примирения с неизвестными ранее и враждебными Риму царями, надо было специально приводить их к берегу (Дуная?), который он, как легат Мёзии, защищал (CIL, XIV, 3608) [44, р. 128–129; 45, с. 164; 47, р. 559–561; 35, № 840]? Не означает ли это то, что на переговорах и заключении мира с варварами должны были присутствовать какие-то важные посредники, прибывшие с римской стороны? Заметим, что к указанному времени у Рима были установлены достаточно тесные взаимоотношения с миром германских племен за Дунаем, а некоторым из союзных вождей были даже предоставлены политические убежища на территории империи. Еще в 19 г. с разрешения цезаря

Тиберия нашел пристанище в Равенне могущественный в прошлом Маробод (Тас. Анн., II, 62–63). Вскоре Рим принял и Катувальду – знатного человека родом из гутунов (вождя дружины?) (Strabo, VII, 1; Plin. NH., IV, 99; XXXVII, 36; Тас. Анн., II, 61; Тас. Germ., 44; Ptolem., III, 5, 8), в свое время уничтожившего союз племен Маробода [12, с. 40–46; 27, с. 41–43]. В империи он был отправлен в один из городов Нарбоннской Галии, а дружины обоих вождей разместились за Дунаем (Тас. Анн., II, 63). Учитывая то, что, предоставляя политическое убежище, римляне всячески пытались использовать варварских вождей в своих отношениях с Барбарикумом: "Маробода поселили в Равенне, всячески давая понять, что ему будет возвращена царская власть, если свебы начнут своевольничать" (Тас. Анн., II, 63), при заключении союза с Фарзоем со стороны Рима вполне мог участвовать любой посредник, тесно связанный с варварским миром Северной Европы [52, с. 331–334].

Вполне возможно, что таким человеком мог быть известный нам Квинт Атилиус Прим, который, судя по надписи на своей надгробной плите, возглавлял на службе целое "бюро переводчиков", а после отставки превратился в негодичанта [25, с. 225] (то есть, крупного торговца, что почему-то, не удивляет). Напомним, что еще недавно, он "посетил в чужой стране торговые места и побережье", ведя переговоры с местными правителями (Plin. NH., XXXVII, 45). Учитывая, что римские императоры никогда не стремились организовывать торговлю с внешними народами исходя из хозяйственных соображений, забота о торговле с умиротворенными варварскими племенами (Plin. NH., XXVI, 19), всегда использовалась ими как средство давления на них [7, с. 153–154]. То есть, в любом случае, Прима, во время северной миссии, не могли интересовать только вопросы поставки в империю янтаря. В ходе своего путешествия римский всадник, скорее всего, затрагивал и политические вопросы взаимоотношений Римской империи и варваров. В противном случае, у него бы не было шансов вернуться домой целым и невредимым. Более того, трудно допустить, что римляне не использовали возможности такой поездки для решения своих первоочередных внешнеполитических задач. Тех же результатов в совместной борьбе против своих врагов, можно было достигнуть только в процессе переговоров. Известно, что варвары за союзную помощь обычно требовали торговые льготы, землю, дорогие подарки и т.д. Вспомним, например, асдингов, которые по просьбе Марка Аврелия напали на враждебных римлянам костобоков и действительно получили обещанное императором (Dio Cass., LXXI, 12, 1–2). Во время же правления Нерона, когда римляне готовились по приказу императора завоевать Армению, Корбулон специально установил отношения с племенем мосхов, которые, отвлекая на себя силы неприятеля, устремились "в глухую и труднодоступную часть Армении", опустошая ее северные районы (Тас.

Ann., XIII, 37). Несколько ранее в Германии, тот же Корбулон, будучи назначенный еще Клавдием императорским легатом, применил схожую тактику, направленную, в первую очередь, на разделение неприятельских сил. Одних враждебных варваров – фризов он смог убедить перейти на сторону римлян, других – хавков, он намерился полностью покорить, но тоже вначале добившись их раскола, достигнутого посредством распространения "среди них семян мятежа" и убийства вождя с помощью подсланных агентов (Тас. Анн., XI, 19).

Нетрудно заметить, что и загадочный захват дружиной Берига устья Вислы, также напоминает подобную римскую тактику. Возможно, что еще в ходе миссии Прима, римляне старались чужими руками решить проблему враждебного отношения к ним ряда племен. На этапе же установления союзных отношений с варварами Фарзоя, вынужденные уступки кочевникам, подталкивали их к созданию широкой варварской коалиции антипшеворской направленности. В противном случае, невозможно будет объяснить стремление воинства Берига, даже ценной собственной жизни в предстоящих сражениях, овладеть именно этим местом, вместо того, чтобы, например, если бы речь шла о простой миграции, спокойно переселиться к своим сородичам на обжитую территорию в устье Одера. Завоевание прибывшими из Скандинавии варварами устья Вислы, однозначно выглядит, как стремление перекрыть враждебным Риму племенам, в первую очередь носителям пшеворской культуры, доступ к побережью на Вислинском янтарном пути. Драматизма в ситуацию добавляет то, что основной военно-социальной организации многих северных варваров, в том числе и лугиев, являлась именно эта янтарная дорога – главный источник обогащения местной варварской знати [43, с. 99]. Вот почему путь в сторону янтарного берег всегда оставался свободным, на что указывает отсутствие столкновений между варварами – носителями пшеворской культуры и прибрежными ульмеругами. Однако судя по военным действиям Берига, как с ульмеругами, так и с вандалами, ситуация резко изменилась после захвата этим вождем устья Вислы. При этом Бериг и его люди не могли не понимать, что после установления контроля над данным прибрежным районом, в перспективе они сами превращались в главных посредников в янтарной торговле и возможно даже в поставщиков солнечного камня в империю, со всеми вытекающими последствиями. Без согласования своих целей с римлянами уже на этапе планирования вооруженного нападения на ульмеругов, война за данную территорию, не имела для них никакого смысла.

Тем не менее, даже если поход Берига был санкционирован Римом, заметим, что союзные отношения римлян с варварами, почти всегда являлись вынужденной мерой и использовались только для решения назревших задач. И это несмотря на то, что скандинавское воин-

ство, судя по всему, блестяще выполнило свою задачу, а союзное римлянам варварское "царство" Фарзоя, превратилось в одно из самых главных звеньев в системе северопричерноморских буферных государств, затруднив внешним врагам подступ к имперским границам со стороны степей. Более того, установившиеся отношения с Фарзоем стабилизировали ситуацию в регионе, что позволило римлянам продолжать успешно решать здесь свои внешнеполитические задачи. Однако сам факт появления такого образования на фоне унижительных уступок варварам, серьезным образом противоречил римской стратегии, направленной на покорение всего известного мира. Поэтому неизбежное, в таком случае, негативное воздействие всех указанных событий на внутри-

политическую жизнь империи, приходилось оправдывать опасностью варварской угрозы и необходимостью организации натиска на общего врага. В итоге, в юго-восточном направлении племенам носителям пшеворской культуры был перекрыт путь в Северное Причерноморье, а со стороны Балтийского побережья им нанесен удар войском союзных варварских царей, осложнивший им доступ к янтарному берегу. Более того, даже путь к дунайскому лимесу для них был ограничен, ведь бывшее буферное "царство Ванния поделено между собой Вангион и Сидон, соблюдавшие по отношению" к римлянам "безупречную честность" (Тас. Анн., XII, 30). Фактически это должно было подорвать могущество племенной знати и заставить ее пойти на переговоры с Римом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфертьев, А.Н. Иордан // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т.1: (I–VI вв.). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1994. С. 98–161.
2. Буданова, В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. СПб.: Алетейя, 2001.
3. Вольфрам, Х. Готы. СПб.: Ювента, 2003.
4. Воронятов, С.В. Погребения сарматской знати в междуречье Южного Буга и Днестра (вторая половина I – начало II в. н.э.) // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Материалы VII Международной научной конференции. Ростов–на–Дону: Изд–во ЮНЦ РАН, 2011. С. 25–28.
5. Воронятов, С.В. Постзарубинецкие памятники типа Рахны и их соотношение с сарматскими древностями междуречья Южного Буга и Днестра // РА. 2012. №1. С. 69–81.
6. Воронятов, С. В., Мачинский, Д. А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях // Germania–Sarmatia II: Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина. Калининград, 2010. С. 57–77.
7. Ермолова, И.Е. Внешняя торговля в поздней Римской империи // GAUDEAMUS IGITUR: Сборник к 60–летию А.В.Подосинова. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. С. 149–156.
8. Зиньковская, И.В. Королевство Эрманариха. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016.
9. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Getica / Вступ. статья, перевод и коммент. Е.Ч. Скржинской. М.: Изд–во восточной литературы, 1960.
10. Козак, Д.Н. Пшеворська культура у Верхньому Подністров'ї і Західному Побужжі. Київ: Наукова думка, 1984.
11. Козак, Д.Н. Пшеворская культура // Археология Прикарпатья, Вольни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды). Киев: Наукова думка, 1990. С. 144–148.
12. Колосовская, Ю. К. Рим и мир племен на Дунае I–IV в. н. э. М.: Наука, 2000.
13. Кулаков, В. И. Следы контактов с Римом в материальной культуре Янтарного берега (I–VI вв. н. э.) // РА. 2008. № 1. С. 88–100.
14. Кулаков, В.И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I–IV вв. н.э. Калининград: Калининградская книга, 2016.
15. Магомедов, Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Lublin, 2001.
16. Мاستыкова, А.В. О происхождении янтарных грибовидных бус–подвесок римского времени в Понто–Кавказском регионе // STRATUM Plus. 2016. № 4. С. 173–189.
17. Мельникова, Е. А. Скандинавские рунические надписи. М.: Издательство "Восточная литература" РАН, 2001.
18. Панов, А.Р. Нерон и статус Боспора в римско–боспорских отношениях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2012. Вып. № 5(1). С. 179–184.
19. Русанова, И.П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир: материалы и исследования. М.: Наука, 1990. С. 119–150.
20. Седов, В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979.
21. Седов, В.В. Славяне: Историко–археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002.
22. Симоненко, А.В., Лобай, Б.И. Сарматы Северо–Западного Причерноморья в I в. н.э. (Погребения знати у с. Пороги). Киев: Наукова думка, 1991.
23. Шаров, О.В. В поисках страны "Ойум": миф или реальность? // Древности Западного Кавказа. Краснодар: Краснодарский государственный историко–археологический музей–заповедник им. Е.Д.Фелицына, 2013. Вып. I. С. 118–155.
24. Щукин, М.Б. Горизонт Рахны–Почеп: причины и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев: Изд–во Куйбышевского государственного университета, 1986. С. 26–38.
25. Щукин, М.Б. На рубеже эр. СПб.: Фарн, 1994.
26. Щукин, М.Б. Янтарный путь и венецы // Проблемы археологии. СПб.: СПбГУ, 1998. Вып. №4. С. 198–208.
27. Щукин, М.Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

28. Шукин, М.Б. Ранние вандалы // Германия–Сарматия. Курск; Калининград: Калининградский областной историко–художественный музей, 2010. Вып. II. С. 15–30.
29. Шукин, М.Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения) // STRATUM Plus. 2011. №4. С. 167–178.
30. Ярцев, С.В. Северное Причерноморье в римский период и проблема готской экспансии. Тула: Изд–во ТГПУ им. Л.Н.Толстого, 2014.
31. Andrzejowski, J. Groty wloczni ze znakami symbolicznymi ze Stryczowic // Z Otchłani Wiekow. 61/1–2. Warszawa, 2006. S. 147–150.
32. Brogen, O. Trage between the Roman Empire and the Germans // JRS. 1936. XXVI. P. 195–222.
33. Christensen, A.S. Cassiodorus, Jordanes and the history of the Goths. Museum Tusculanum Press, Kobenhavn, 2002.
34. Dobrzanska, H. Contacts between Sarmatians and the Przeworsk Culture community // International Connections of the Barbarians of the Carpathian Basin in the 1st–5th centuries A.D.: Proceedings of the international conference held in 1999 in Aszod–Nyiregyhaza. Aszod; Nyiregyhaza, 2001. S. 101–115.
35. Dobo, A. Inscriptiones extra fines Pannoniae Daciaeque repertae ad res earundem provinciarum pertinentes. Budapest, 1975.
36. Droberjar, E., Peska, J. Die Waffen // Peska J., Tejral J. Das germanische Konigsgrab von Musov in Mahren (RGZM Monographien, Bd. 55, Teil 1). Mainz, 2002. S. 97–125.
37. Julius Solinus. Collectanea rerum memorabilium / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1895.
38. Kaczanowski, P. Chronologia inkrustowanych grotow broni drzewcowej z okresu wplywow rzymskich z obszaru europejskiego Barbaricum // Scripta Archaeologica. Uniwersytet Jagiellonski Varia. W–wa; Krakow, 1988. CCXXXI. S. 51–77.
39. Kolendo, J. A la recherche de l'ambre baltique: l'expedition d'un chevalier romain sous Neron. Warszawa: Wydawn. Uniwersytetu Warszawskiego, 1981.
40. Kontry, B. Uzbrojenie kultury przeworskiej w okresie wplywow rzymskich I poczatkach okresu wedrowek ludow // Ch. Leiber, J. Andrzejowski, A. Kokowski. Wandalowic. Straznicy burszynowego szlaku: Katalog wystawy. Wid. Uniwersytetu Marii Curie–Skłodowskiej. Lublin; Warszawa, 2004. S. 143–161.
41. Kulikowski, M. Rome's Gothic Wars. From the third Century to Alarich. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
42. Merrills, A. H. Histori and Geography in Late Antiquity. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
43. Nowakowski, W. Auf der Suche nach dem "Gold des Nordens": Rom, die Barbaren und die Bernsteinstrasse // Swiatowit. Fasc. B: Archeol. Pradziejowa i Sredniow., Archeol. Pol. 2006–2008 (dr. 2012). T. 48. S. 95–106.
44. Parvan, V. Getica o protoistorie a Daciei. Bucuresti: Cultura Nationala, 1926.
45. Patsch, K. Beitrage zur Volkerkunde von Sudosteuropa: Bis zur Festsetzung der Romer in Transdanuvien // SBAW in Wien. Philos.–hist. Kl. Wien; Leipzig, 1932.
46. Peska, J. Das Konigsgrab der alteren Romischen Keiserzeit bei Musov in Sudmahren // Tschechische Republik: Rom und die Barbaren. Europa zur Zeit Volkerwanderung. Bonn, 2008. S. 56–58.
47. Pippidi, D. M. Tiberius Plautius Aelianus si frontiera Dunarii de Jos in sec. I e.n. // Contributii la istoria veche a Romaniei. Bucuresti: Editura stiintifica, 1967. P. 559–561.
48. Svennung, J. Jordanes und Scandia. Stockholm: Almqvist och Wiksell, 1967.
49. Svennung, J. Jordanes und die gotische Stammsage // Studia Gotica. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. P. 20–56.
50. Wielowiejski, J. Die nordliche Strecke der Bernsteinstrasse zur romischen Kaiserzeit // Die spotromische Kaiserzeit und die fruhe Volkerwanderungszeit in Mittel– und Osteuropa. Lodz: Universitet Lodzi, 2000. S. 142–152.
51. Wolagiewicz, R. Kultura wielbarska – problemy interpretacji etniczney // Problemy kultury wielbarskiej. Slupsk: Wyzosza Szkola Pedagogiczna w Slupsku, 1981. S. 79–106.
52. Yartsev, S. V. Regarding first contacts between North Europe and Black Sea Region // Life Science Journal – Acta Zhengzhou University Overseas Edition. N. Y., 2014. 11(7s). S. 331–334.
53. Yatsenko, S. A. Marks of the Ancient and Early Medieval Iranian–Speaking Peoples of Iran, Earsten Europe, Transoxiana and South Siberia // Traditional Marking Systems: A Preliminary Survey. Dunkling Books, London & Dover, 2010. P. 133–154.

© С.В. Ярцев, А.Ю. Буговский, (s–yartsev@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

www.asergroup.ru

АСЭР

МЕДИЦИНСКИЕ УЧРЕЖДЕНИЯ И
ОРГАНИЗАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

ГК Агентство Социально-
Экономического Развития
тел: (495) 971-5681
http://www.asergroup.ru

28 мая 2018
Конгресс-центр ГК "Космос", Москва

РЕКЛАМА